

СВОЕОБРАЗИЕ КАЗАХСКОЙ

Наш учитель Абай указал путь своему народу и отдельному человеку стать лучше, умнее, преодолеть свои пороки и стремиться к знаниям, культуре, к достойной жизни. Мухтар Ауэзов сумел кратко и точно определить, что значит Абай для всех нас, назвав свое бессмертное произведение «Путь Абая». Вот по какому пути мы должны идти и в XXI веке, чтобы быть равными среди равных.

И у Конфуция и у Абая мы видим один и тот же путь для самосохранения и саморазвития общества — это единство и сплоченность общества и народа, общества и человека, человека и власти. Благодаря такому единству можно преодолеть все трудности и беды, достичь поставленной цели.

Толе би, будучи еще ребенком, услышал, как его пожилой отец рассуждал в кругу своих слушателей о единстве и согласии. Мальчик потом спросил отца: «А что такое единство, какая у него сила?» В ответ отец Алибек попросил принести пучок прутьев и дал его сыну со словами: «Ну-ка, попробуй сломать его». Как не старался Толе, сломать пучок прутьев ему не удалось. «А теперь попробуй сломать прутья по одному», сказал отец. Толе развязал связанный посередине пучок и по одному легко сломал все прутья, «Что ты понял, сын мой?», — спросил отец. Толе сказал: «Я понял, отец, что означает этот пример». Народ, который живет в единстве и согласии, ничто не сломит — ни враги, ни напасти. «Бірлігі мықты елді жау да, дау да ала алмайды». Как говорит пословица, «На одинокого любой может напасть и побить». Вы хотели, чтобы я понял, что там где нет единства, враги могут легко одержать победу. Тогда отец сказал: «Сын мой, ты правильно понял меня. Чтобы править народом, надо прежде всего уметь призвать его к единству и согласию. Об этом говорит и пословица «Единство ведет к счастью» («Бақ қайда барасың? — Ынтымаққа барамын»). Мудрость, заключенная в словах Толе и его отца, никогда не потеряет своего значения.

Учение Конфуция в течение тысячелетий и сегодня помогают почти полу-

тора миллиардному народу Китая жить и творить в мире и согласии.

И наш Казахстан, который в этом году отмечает тридцатилетие своей независимости, живет и развивается в условиях внутривосточной стабильности и единства народа.

Если представить философию лишь в качестве науки, то мы не можем считать и Конфуция и Абая философами. В советское время так и подходили к творчеству Абая. Его признавали знаменитым поэтом, просветителем, но никто не мог сказать, что в его творениях содержится философская мудрость и глубина. Даже Мухтар Ауэзов, открывший Абая всему миру вынужден был заявить, что Абай в сущности не является философом, что у него нет специальных философских работ.

Ауэзов, конечно, не мог не понимать, что каждое стихотворение и каждое слово Абая — плод глубоких размышлений о мире и человеке, о времени, о жизни, о себе и своем месте в жизни своего народа, о прошлом, настоящем и будущем казахов. В каждом произведении Абая при внимательном прочтении можно обнаружить народную мудрость и поразительное понимание многих вещей, касающихся человека. Не случайно он называл свои «Слова назидания» «Гаклией», то есть воплощенной мудростью.

Конечно, Мухтар Ауэзов в приведенных выше словах выражает не свою точку зрения, а указания официальной идеологии, которая хотела ограничить рамки раздумий и размышлений нашего народа о своем прошлом и настоящем. Если бы просвещенные люди обращались к Абаю и его наследию не только

как к поэту и просветителю, а также как к мыслителю — философу, правдолюбцу, то он мог бы открыть им глаза на многие вещи, заставил бы задуматься, сомневаться, по-другому смотреть на себя, на свою жизнь и действительность, в которой они живут. Это не устраивало бы властные структуры. В советское время власти желательно было видеть казахов наивными, неразборчивыми и равнодушными к себе и к своей истории. И все, кому была небезразлична судьба своего народа, своего языка и культуры так или иначе подвергались преследованию.

Если философию понимать в качестве науки, то не только Конфуций или Абай, но и многие другие мыслители, такие как Будда, Сократ, Августин, Монтень, Кьеркегор, Достоевский, Л. Толстой, наш Шакарим окажутся за бортом научной философии. Все они понимали задачу философии в познании, понимании человека и его воспитания, а не в открытии законов внешнего мира.

Мы не утверждаем, что философия как наука исчерпала свои возможности или в будущем не будет развиваться в научном направлении. Мы только хотим подчеркнуть, что научное познание — не единственная ее функция. Конечно, никто не будет отлучать Аристотеля, Декарта, Канта, Гегеля или Маркса от философии на том основании, что они понимали философию как науку и мно-

гое сделали, чтобы она стала такой. Тем самым они так или иначе отчуждали философию от мудрости и от человека.

Необходимо отметить, что мудрейший Кант наряду со своей научной трансцендентальной философией вынужден был создать антропологию как учение о человеке. Кант заявляет: «Если существует наука, действительно нужная человеку, то это та, которой я учу — а именно подобающим образом занять указанное место в мире — и из которой можно научиться тому, каким надо быть, чтобы быть человеком» (Кант И.Соч. в 6 т. Т.2 М., Мысль, 1964, с.206).

В другом месте, в своей «Логике» Кант подчеркивает: «Практический философ — и наставник мудрости учением и делом — есть философ в собственном смысле. Ибо философия есть идея совершенной мудрости, указывающий нам последние цели человеческого разума» (И. Кант Трактаты и письма. Изд-во Наука, М., 1980, с. 332). Гегель, подчеркивая научную ориентацию своей философии, называет ее наукой логики, изучающей предельно широкие понятия. Маркс по этой же причине называет себя не философом, а историком. Вместе с тем, и Кант, и Гегель, и Маркс останутся для нас великими философами. Употребляя выражение Канта, мы можем назвать Конфуция и Сократа, Достоевского и Толстого, Абая и Шакарима практическими философами. И казахская философия предстает для нас как «практическая философия».

Казахская философия своеобразна: со своей проблематикой, специфическими формами выражения мысли, с собственным стилем мышления. Ей нет необходимости постоянно оглядываться на развитую западную философию. Учиться у других надо, но не следует во всем подражать или заимствовать их стиль мышления.

В этой связи нам хочется привести слова глубокого русского мыслителя И.В. Киреевского: «Нам необходима философия: все развитие нашего ума требует ее, — пишет он. Но откуда придет она? Где искать ее? Конечно, первый шаг к ней должен быть проявлением умственных богатств той страны, которая в умозрении опередила все народы». Киреевский тут, конечно, имеет в виду немецкую философию XVIII — начала XIX веков, школу которой он

